

УДК 128

д. филос. н. Патерыкина В. В.
(ДонГТУ, г. Алчевск, ЛНР)

«ИСПОВЕДЬ» Л. Н. ТОЛСТОГО О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ, СМЕРТИ И ВЕЧНОСТИ

Рассматривается подход Л. Н. Толстого к ответам на извечные вопросы человеческого бытия - смысла жизни, бессмертия, реализации в творчестве, семейных ценностях. Гениальность художественного мышления с неизбежностью отразилась в публицистических произведениях писателя, показывая эволюцию его исканий. В свою очередь, художественные произведения на эмоциональном уровне выразили кредо «живи открыто», составляющее смысл жизни писателя.

Ключевые слова: *смысл жизни, смерть, бессмертие, вечность, семейные ценности.*

Проблема и её связь с научными и практическими задачами. Тема смерти и бессмертия является одной из экзистенциальных в бытии человека. Смысл существования, завершённость жизненного цикла рано или поздно обостряются сознанием человека разумного, направляя мысль в религиозный, моральный, правовой поиск. В контексте аксиологической проблемы философии смерть и бессмертие рассматриваются в общем ряду состояния счастья, любви, дружбы, ценности самой человеческой жизни.

Витальные потребности, комфорт, эмоциональное состояние, признание в обществе, карьерный рост, передача наследства, забота о потомстве - это далеко не полный перечень составляющих жизни человека. Какой-то из этих компонентов беспокоит человека в большей степени, какой-то в меньшей или не беспокоит совершенно. Но было бы крайне наивно полагать, что пребывая в ладу со здравым смыслом, человек абсолютно равнодушен к себе и к тому, что останется после него.

Тема смерти и бессмертия актуальна не только для отдельного человека, но и для человечества. Особенно остро она вызывает к жизни в периоды социальных потрясений – революций, войн. За несколько миллионов лет осознания себя, выхода из природы, человечество выработало различные способы ухода из жизни, различные обряды перехода в инобытие, различ-

ные представления о посюстороннем и потустороннем мирах.

Как бы ни проживал человек жизнь, каким бы смыслом не наполнял её, логическим завершением является прекращение биологического существования. Авторский термин «homo mortirum», предложенный в 2014 году и зафиксированный в ряде публикаций, наиболее точно отражает смысл и характер человеческого бытия. «Человек умирающий» - это понятие, вбирающее все другие определения человека как то: homo erectus, homo habilis, homo ludens, homo fabricus и т.д.

Постановка задачи.

Ценность самой человеческой жизни всегда находилась в поле зрения религии, морали, искусства, права, литературы. В контексте предложенной темы фокусирование темы смерти и бессмертия будет рассмотрено через срез литературных произведений. Поскольку вся мировая литература представляет необъятное поле исследования темы смерти и бессмертия, то поиск будет сужен до одной персоналии Льва Николаевича Толстого. Его публицистическое произведение «Исповедь», художественные рефлексии дают богатейший материал для поисков смысла бытия отдельной личности и всего общества.

Изложение материала и его результаты. Насколько гениален писатель Л. Н. Толстой, настолько гениальны его противоречия в поисках истины человеческих

чувств, проявлении религиозной веры, любви, ценности семейных отношений, абсолютной ценности для личности и общества. Через художественные образы силой слова Л. Н. Толстой помещает героев в ситуации выбора, в пограничное состояние, требующее определённого действия и ответственности за него. В обобщающем смысле прямо или косвенно произведения Л.Н. Толстого, его искания пронизаны выбором между телесными желаниями и нравственными идеалами, оценку которым даёт осознание противоречия между бесконечностью мироздания и конечностью человеческого бытия. Ощущение бренности бытия помещает писателя, разрываемого противоречиями, и его героев в ограниченную сжатость мимолётности жизни и её смысла.

Квинтэссенцией напряжённых и драматических поисков ответов на извечные вопросы бытия стала «Исповедь», написанная в конце 70-х – начале 80-х годов XIX века. В 1882 году рукопись «Исповеди» поступила в набор. Однако Московский духовный цензурный комитет снял её с печати, поскольку «она приводит в сомнение важные истины веры и постановление православной церкви». Парадоксальность этого отказа заключается в том, что для писателя это был период богоискательства: «Во что я верил, я никак не мог сказать. Верил и в бога, или, скорее, я не отрицал бога, но какого бога, я не мог сказать: не отрицал я и Христа и его учение, но в чём было его учение, я тоже не мог бы сказать» [1, с. 108].

Вера в совершенство занимала писателя более всего. Началом всего было, разумеется, нравственное совершенство, но скоро оно подменилось совершенствованием вообще, т. е. желанием быть лучше не перед самим собою или перед богом, а желанием быть лучше перед другими людьми. И очень скоро это стремление быть лучше перед людьми подменилось желанием быть сильнее других людей, т. е. славнее, важнее, богаче других [1, с. 109].

Писатель исповедуется в том, что он убивал людей на войне, вызывал на дуэли, чтоб

убить, проигрывал в карты, проедал труды мужиков, казнил их, блудил, обманывал: «Ложь, воровство, любодееяние всех родов, пьянство, насилие, убийство» [1, с. 110]. Осознавая убийство величайшим злом, Л.Н. Толстой не воспринимает его в соотношении с прогрессом. Будучи в Париже, ему пришлось наблюдать смертную казнь, что разуверило Л.Н. Толстого в могуществе и сущности прогресса. «Когда я увидел, как голова отделилась от тела, и то, и другое врозь застучало в ящике, я понял – не умом, а всем существом, – что никакие теории разумности существующего и прогресса не могут оправдать этого поступка и что если все люди в мире, по каким бы то ни было теориями, с сотворения мира, находили, что это нужно, – я знаю, что это не нужно, что это дурно и что поэтому судья тому, что хорошо и нужно, не то, что говорят и делают люди, и не прогресс, а я со своим сердцем. Другой случай (сознание недостаточно для жизни суеверия прогресса) была смерть моего брата. Умный, добрый, серьёзный человек, он заболел молодым, страдал более года и мучительно умер, не понимая, зачем он жил, и ещё менее понимая, зачем он умирает. Никакие теории ничего не могли ответить на эти вопросы ни мне, ни ему во время его медленного и мучительного умирания» [1, с.113]. Этот случай смертной казни, увиденный писателем в Париже, нашёл отражение в другом публицистическом произведении «Так что же нам делать?», и назван величайшим грехом человечества. «Тридцать лет тому назад я видел в Париже, как в присутствии тысячи зрителей отрубили человеку голову гильотиной. Я знал, что человек этот был ужасный злодей; я знал, что все те рассуждения, которые столько веков пишут люди, чтобы оправдать такого рода поступки; я знал, что это сделали нарочно, сознательно; но в тот момент, когда голова и тело разделились и упали в ящик, я ахнул и понял не умом, не сердцем, а всем существом моим, что все рассуждения, которые я слышал о смертной казни, есть злая чепуха, что сколько бы людей ни собралось вме-

сте, чтобы совершить убийство, как бы они себя ни называли, убийство худший грех в мире и что вот на моих глазах совершён этот грех. Я своим присутствием и невмешательством одобрил этот грех и принял участие в нём» [2, с.174].

Насилие осуществляется при помощи оружия и Л.Н. Толстой выходит на общечеловеческое обобщение: покуда будет один вооружённый человек с признанием за ним права убить какого бы то ни было другого человека, до тех пор будет неправильное распределение богатств [2, с.274]. Это противоестественное состояние человека, поскольку его природу и предназначение гуманист усматривает в удовлетворении, прежде всего, материальных телесных потребностей. Требование всей природы: кормить, одевать, беречь себя и своих близких, делать то же для других людей – удовлетворение духовных потребностей. Всякая другая деятельность человека только тогда законна, когда направлена на удовлетворение этой первейшей потребности человека, потому что в удовлетворении этой потребности состоит вся жизнь человека [2, с. 366].

Война осуждается писателем-гуманистом как социальное потрясение, забирающее тысячи и миллионы человеческих жизней. Эпохальное произведение "Война и мир" сконцентрировало не только рефлексию отечественной войны 1812, но и преподнесло отношение самого писателя к смерти конкретного человека, к размышлениям о нравственном долге и того абсолюта, ради которого необходимо отдать единственную жизнь. Название романа не связано с противопоставлением войны, как неестественного состояния общества, и мира как противоположности войны. Мир разумеется писателем в данном контексте как космос, Вселенная, противопоставленная хаосу. "Война и мир"- даже написание гласной "и" разнится в союзе и существительном "мир".

Роман "Анна Каренина" строится на коллизии частной жизни, где банальная история разворачивается до общечелове-

ческих обобщений. В романе все герои оправданы, не делясь писателем на "хороших" и "плохих". Для героини единственным выходом является смерть, что не ново в сюжетных линиях мировой литературы. В образе Анны Карениной Л.Н. Толстой выразил свои собственные размышления о том, зачем проживать жизнь и когда и при каких обстоятельствах выходить из неё. Персонификация в женском образе стала необходимой писателю, поскольку публицистика, очевидно, не давала той полноты объёма для размышления над жизнью и смертью, какую давало художественное воплощение.

В "Исповеди" прослеживается титаническая внутренняя работа Л. Н. Толстого по оценке собственных противоречий. В частности, писателя волновал вопрос самоубийства. Размышляя над истиной, для Толстого стала очевидной сентенция: "Истина была то, что жизнь есть бессмыслица" [1, с. 117]. Кризис подталкивает писателя к выводу о том, что "ничего нет впереди, кроме обмана жизни и счастья и настоящих страданий и настоящей смерти – полного уничтожения" [1, с.117]. Какая-то непреодолимая сила влекла писателя к тому, чтобы как-нибудь избавиться от жизни. По замечанию писателя, это была сила, подобная прежнему стремлению к жизни, только в обратном отношении, и он всеми силами стремился прочь от жизни. Л.Н. Толстой отмечает: «Мысль о самоубийстве пришла мне так же естественно, как прежде приходили мысли об улучшении жизни. Мысль эта была так соблазнительна, что я должен был употреблять против себя хитрости, чтобы не привести её слишком поспешно в исполнение. Я не хотел торопиться только потому, что хотелось употребить все усилия, чтобы распутаться! Если не распутаюсь, то всегда успею, говорил я себе. И вот тогда я, счастливый человек, вынес из своей комнаты шнурок, где я каждый вечер бывал один, раздеваясь, чтобы не повеситься на перекладине между шкапами, и перестал хо-

дить с ружьём на охоту, чтобы не соблазниться слишком лёгким способом избавления себя от жизни. Я сам не знал, чего я хочу: я боялся жизни, стремился прочь от неё и между тем чего-то ещё надеялся от неё» [1, с. 117].

Отторжение жизни обозначилось в период внешнего благополучия писателя: уважение близких и знакомых, признание писательского труда, телесное и духовное здоровье, материальное благосостояние, любовь семьи. Все составляющие человеческого счастья и довольствования жизнью наличествовали. Писатель осознаёт такое противоречивое состояние, когда внешнее благополучие пришло в несоответствие с внутренними побуждениями писателя, не достигшего и пятидесяти лет. «И в таком положении я пришёл к тому, что не мог жить и, боясь смерти, должен был употреблять хитрости против себя, чтобы не лишиться себя жизни» [1, с. 118]. Предсказуемость финала и дальнейший ход событий нивелировали всю ценность сделанного в жизни. Цель и полезность жизни снимали всю её ценность перед неизбежностью смерти. В размышлениях Л.Н. Толстого она представлялась определителем, который лишает разумного смысла каждый поступок и саму жизнь.

В зрелом возрасте писатель ошутимо и болезненно вскрыл для себя то, что не мог осознать с самого начала жизни, но что давно было всем очевидно. «Не нынче – завтра придут болезни, смерть (и приходили уже) на любимых людей, на меня, и ничего не останется кроме смрада и червей. Дела мои, какие бы они ни были, все забудутся – раньше, позднее, да и меня не будет. Так из чего же хлопотать? Как может человек не видеть этого и жить – вот это удивительно! Можно жить только, покуда пьян жизнью; а как протрезвишься, то нельзя не видеть, что всё это – только обман, и глупый обман! Вот именно, что ничего даже нет смешного и остроумного, а просто – жестоко и глупо» [1, с.118].

Неизбежность смерти обращает мысли Л.Н. Толстого к бегу времени, смене дня и ночи, которые уменьшают жизнь. «Я вижу это одно, потому что это одно – истина. Остальное всё – ложь» [1, с. 119]. Осознание необратимости времени, невозможность влияния на его ход приводят писателя к мысли о тщетности существования не только его самого, но и его близких. По своей глубине и смыслу потрясающий вопрос задаётся писателем: «Зачем же им жить? Зачем мне любить их, беречь, растить и блюсти их? Для того же отчаяния, которое во мне, или для тупоумия! Любя их, я не могу скрывать от них истины, всякий шаг к познанию ведёт их в этой истине. А истина – смерть» [1, с. 120]. Любя близких людей, Л.Н. Толстой не видит смысла их существования – ещё один парадокс мыслителя. Давая жизнь собственным детям, он не скрывает от них истины бытия – смерти. Размышляя о продлении себя через любовь близких, видя своё физическое бессмертие в детях, Л.Н. Толстой приходит к неразрешимому противоречию: бессмысленность продления рода, поскольку всё (в том числе его родные) рано или поздно будет поглощено смертью.

Любовь к семье и писательству некогда были дороги Л.Н. Толстому, вбирая в себя смысл его существования. Семья – ежедневная поддержка, реализация ценности отца, мужа, и писательство – самореализация в обществе, признание важного дела по фиксированию в художественных образах сущности личности оказались ничего не значащими. Писательство, которое принесло успех Л.Н. Толстому, которое он делал, несмотря на то, что придёт смерть, которая уничтожит всё – и его, и его дела, и память о них, оказалось для писателя обманом. Он давал себе отчёт в том, что искусство есть «украшение жизни, заманка к жизни». Но когда жизнь потеряла для него свою заманчивость, писатель задавал себе вопрос – как же он мог заманивать других.

Две составляющие жизни – семья и писательство – утратили смысл, поставив Л.Н. Толстого перед невозможностью дальнейшего существования. Это было состояние ужаса, избавление от которого писатель находил исключительно в смерти. Терпеливое ожидание конца было невозможно, ужас тьмы был слишком велик и писатель хотел поскорее избавиться от него петлей или пулей. «И вот это-то чувство сильнее всего влекло меня к самоубийству» [1, с. 121].

Опыт предшествующих поколений привёл писателя к выводу о том, что вопрос смысла жизни ставился, но решения он не находил. Отчаянное состояние происходило от невозможности найти ответ на вопрос смысла жизни в знаниях, доступных человеку. Бессмысленно искать смысл в бессмыслице жизни – таков итог мучительных исканий Л.Н. Толстого. «Что выйдет из того, что я делаю нынче, что я буду делать завтра, - что выйдет из всей моей жизни?», «Зачем мне жить, зачем чего-нибудь желать, зачем что-нибудь делать?», «Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью?» [1, с. 122]. Ни естественные науки, ни физиология, психология, биология, социология (отрасль знаний, пытающаяся давать решение вопросов жизни), ни религии, науки, искусство, формы государственности (духовные идеалы), ни юридические, социальные, исторические (названные Л.Н. Толстым полунауками) не открыли смысла жизни. Обращение к философии привело писателя к заключению, что философия не только не отвечает в чём смысл жизни, а сама только это и спрашивает. И если она – истинная философия, то, вся её работа только в том и состоит, чтоб ясно поставить этот вопрос. И если она твёрдо держится своей задачи, то она и не может отвечать иначе на вопрос: «Что такое я и весь мир? - всё и ничто; а на вопрос: зачем существует мир и зачем существую я? – не знаю» [1, с. 126].

Но такое несколько скептическое отношение к философии не помешало Л. Н. Толстому обратиться к учениям Сократа, Шопенгауэра, Соломона, Будды. «Мы приблизимся к истине только настолько, насколько мы удалимся от жизни, – говорит Сократ, готовясь к смерти. – К чему мы, любящие истину, стремимся к жизни? К тому, чтоб освободиться от тела и от всего зла, вытекающего из жизни тела. Если так, то как же нам не радоваться, когда смерть приходит к нам?.. Мудрец всю жизнь ищет смерти, и потому смерть не страшна ему» [1, с. 128]. Жизнь тела есть зло и ложь. И потому уничтожение этой жизни тела есть благо, и мы должны желать этого, - говорит Сократ.

Жизнь есть то, чего не должно быть, — зло и переход в ничто есть единственное благо жизни, – говорит Шопенгауэр.

Всё в мире – и глупость и мудрость, и богатство и нищета, и веселье и горе – всё суета и пустяки. Человек умрёт, и ничего не останется. И это глупо, – говорит Соломон.

Жить с сознанием неизбежности страданий, ослабления, старости и смерти нельзя – надо освободить себя от жизни, от всякой возможности жизни, – говорит Будда.

Писатель, обращаясь к мыслям философов, разделяет их чувства, однако это не вывело его из отчаяния, а, напротив, усилило его. И Л. Н. Толстой делает окончательный вывод: «Обманывать себя нечего. Всё суета. Счастлив, кто не родился, смерть лучше жизни; надо избавиться от неё» [1, с. 132].

Мучительно ища путь ухода от отчаяния, порождённого вечными «проклятыми» вопросами, Л.Н. Толстой определяет четыре пути поведения для ищущих смысл в жизни и не нашедших его. Один из путей заключается «в том, чтобы, поняв, что жизнь есть зло и бессмыслица, уничтожить её. Так поступают редкие сильные и последовательные люди. Поняв всю глупость шуток, какая над ними сыграна, и

поняв, что блага умерших паче благ живых и что лучше всего не быть, так и поступают и кончают сразу эту глупую шутку, благо есть средства: петля на шею. Вода, нож, чтоб им проткнуть сердце, поезда на железных дорогах. И людей из нашего круга, поступающих так, становится всё больше и больше. И поступают люди так большей частью в самый лучший период жизни, когда силы души находятся в самом расцвете, а унижающих человеческий разум привычек ещё усвоено мало. Я видел, что это самый достойный выход и хотел поступить так» [1, с. 134].

Ещё один из способов выхода из кризиса Л.Н. Толстой назвал выходом слабости. «Он состоит в том, чтобы, понимая зло и бессмысленность жизни, продолжить тянуть её, зная вперёд, что ничего из неё выйти не может. Люди этого разбора знают, что смерть лучше жизни, но, не имея сил поступить разумно – поскорее кончить обман и убить себя, чего-то как будто ждут. Это есть выход слабости, ибо, если я знаю лучшее и оно в моей власти, почему не отдаться лучшему?.. Я находился в этом разряде» [1, с. 134]. Писатель пытается ответить на вопрос: а как существует человечество, если жизнь лишена смысла? Противоречие между жизнью отдельной личности и жизнью всего человечества привело Л.Н. Толстого к неразрешимости. Заблуждение происходило оттого, что у писателя произошла подмена понятий: узкий круг близких ему людей он представлял как всё человечество, а миллиарды живших и живых – как скот. «Разумные знания в лице учёных и мудрых отрицает смысл жизни, а огромные массы людей, всё человечество – признаёт этот смысл в неразумном знании. И это неразумное знание есть вера» [1, с. 138]. Находясь в сложных отношениях с религиозной верой, тем не менее, писатель приходит к парадоксальному заключению: нужно жить по закону божию, не уничтожаемый смертью смысл – в соединении с бесконечным богом. Смысл бесконечного не уничтожаемый страданиями, лишениями

и смертью. «Значит в одной вере можно найти смысл и возможность жизни... вера есть знание смысла человеческой жизни, вследствие которого человек не уничтожает себя, а живёт. Вера есть сила жизни. Если человек живёт, то он во что-нибудь да верит. Если б он не верил, что для чего-нибудь надо жить, то он бы не жил. Если он не видит и не понимает призрачности конечного, он верит в это конечное; если он понимает призрачность конечного, он должен верить в бесконечное. Без веры нельзя жить» [1, с. 141].

Богоискательство приводит Л.Н. Толстого к заключению, что он жил только тогда, когда верил в бога: «Стоит мне знать о боге, и я живу: стоит забыть и не верить в него, и я умираю. Что же такое эти оживления и умирания? Ведь я не живу, когда теряю веру в существование бога, ведь я бы уже давно убил себя, если б у меня не было смутной надежды найти его. Ведь я живу, истинно живу только тогда, когда чувствую его и ищу его. Так чего же я ищу ещё? – вскрикнул во мне голос. – Так вот он. Он – то, без чего нельзя жить. Знать бога и жить – одно и то же. Бог есть жизнь» [1, с. 151]. Сущность всякой веры, по мнению Л.Н. Толстого, состоит в том, что она придаёт жизни такой смысл, который не уничтожается смертью.

Кредо Л.Н. Толстого «Живи открыто» сопровождало его всю жизнь, поэтому и всё его творчество воспринимается теперь как одна великая исповедь [3, с.5]. «Исповедь» публицистическая и исповедь художественная, переплетаясь, преподносят противоречивость и трагизм глобального масштаба вселенского гения слова, чувств и мыслей.

Выводы и направления дальнейших исследований.

В публицистике отразилась лишь часть противоречий писателя, где максимально честно показаны искания Л.Н. Толстого в ответах на «проклятые вопросы» человеческого бытия. Неизмеримо огромный пласт эмоционального состояния писателя

воплощён в художественных произведениях, в которых через главных героев и образы природы рефлегируется духовный путь писателя. «Метель» (1856), «Утро помещика» (1856), «Холстомер» (1863), «Смерть Ивана Ильича» (1886), «Хозяин и работник» (1895), «Отец Сергей» (1898), «После бала» (1903), «Посмертные записки старца Фёдора Кузмича» (1905) воплотили отношение Л.Н. Толстого к извечной проблеме смерти и бессмертия. Может по-

казаться странным, но признание в России и известность в мире Толстому принесли именно повести, которые затем были заклонены его великими романами [3, с. 19].

Дальнейшие изыскания ответов на вечные вопросы человеческого бытия, в том числе проблему жизни, смерти, бессмертия, предполагается направить на рефлекссию эмоционально-образного преподнесения через художественные произведения гения мировой литературы.

Библиографический список

1. Толстой Л. Н. Исповедь / Л. Н. Толстой. // *Собрание сочинений в 22 т / Л. Н. Толстой [коммент. Л. Д. Опульской.]* — М. : Худож. лит. — . — Т. 16. — 1983. — С. 166.
2. Толстой Л. Н. Так что же нам делать? / Л. Н. Толстой. // *Собрание сочинений в 22 т / Л. Н. Толстой [коммент. Л. Д. Опульской.]* — М. : Худож. лит. — . — Т. 16. — 1983. — С. 160.
3. Бабаев Э. Повести Толстого / Э. Бабаев // *Л. Н. Толстой Смерть Ивана Ильича.* — М. : Худож. лит., 1969. — 264 с.

Рекомендована к печати д.филос.н., проф. ЛГАКИ Суханцевой В.К., к.филос.н., доц. ДонГТУ Сандыгой О.И.

Статья поступила в редакцию 17.11.15.

д.филос.н. Патерикіна В. В. (ДонДТУ, м. Алчевськ, ЛНР)

«СПОВІДЬ» Л.М.ТОЛСТОГО ПРО СЕНС ЖИТТЯ, СМЕРТІ ТА ВІЧНОСТІ

Розглядається підхід Л.М. Толстого до відповідей на одвічні питання людського буття – сенсу життя, безсмертя, реалізації у творчості, сімейних цінностях. Геніальність художнього мислення неодмінно відбилась у публіцистичних творах письменника, показуючи еволюцію його пошуків. У свою чергу, художні твори на емоційному рівні відбили кредо «живи відкрито», що складало сенс життя письменника.

Ключові слова: *сенс життя, смерть, безсмертя, вічність, сімейні цінності.*

PhD in Philosophy Paterykina V.V. (DonSTU, Alchevsk, LPR)

«CONFESSION» BY L.N. TOLSTOY ABOUT SENSE OF LIFE, DEATH AND ETERNITY

Leo Tolstoy's approach to the perennial questions of human being such as sense of life, eternity, realization in art, family values is studied. Brilliance of artistic thinking was reflected imminently in author's publicistic works, showing the evolution of his searches. In its turn, fiction works emotionally expressed a credo «live openly» presenting the sense of author's life.

Key words: *sense of life, death, immortality, eternity, family values.*